

Аделина Газинуровна СитдиковаОмский государственный педагогический университет, аспирант кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: adelina.sitdikova@list.ru**Специфика отношения «автор — читатель» в творчестве Мигеля де Унамуно**

Аннотация. В творчестве М. де Унамуно центральное место занимает явный и неявный диалог между автором и читателем. Литература открывается ему как путь, на котором автор сталкивается с тем, что нельзя познать, не пытаясь это систематизировать. Систематизировать Унамуно пытается возможность бессмертия, желание вечно жить в произведении. Это путь живой философии, которая может слиться с литературой. Литература — это способ решения проблем философии, которые в своих претензиях на систематичность остаются неразрешенными.

Ключевые слова: литература, поиск, философия, читатель, автор.

Adelina G. SitdikovaOmsk State Pedagogical University, Postgraduate Student of the Philosophy Department, Omsk, Russia
e-mail: adelina.sitdikova@list.ru**Specifics of the “Author — Reader” Relationship
in M. de Unamuno’s Works**

Abstract. In the work of M. de Unamuno, the explicit and implicit dialogue between the author and the reader occupies a central place. Literature opens up to him as a path on which the author encounters what cannot be known without trying to systematize it. Unamuno tries to systematize the possibility of immortality, the desire to live forever in the work. This is the path of a living philosophy that can merge with literature. Literature is a way of solving problems of philosophy that remain unresolved in their claims to systematicity.

Keywords: literature, search, philosophy, reader, author.

Введение (Introduction)

Мигель де Унамуно (1864–1936), испанский писатель и философ, одной из своих главных целей сделал поиск другого, нового читателя, что в целом позже станет одной из отличительных черт современного романа. Поиск Другого неразрывно связан с самоанализом. Философ писал в статье 1915 года: «Весь этот самоанализ — нечто фантастическое, я имею в виду, что человек не познает себя иначе, как познает своих близких, что нет магии духа, который размышляет о себе без чего-то опосредующего. Зеркало не может знать себя» [1, р. 428] (здесь и далее перевод наш. — А. С.).

Читатель Унамуно не просто получатель текста, он развивает его функционально, придавая определенный концептуальный смысл тому, что до момента чтения было лишь бесформенным и впервые возникшим материалом. Читатель трансформирует и формирует персонажей в новых измерениях, о которых и не подозревал создатель текста.

С этой точки зрения дон Мигель превратился в защитника *avant la lettre* принципов теории рецепции, стал философом литературы, более чем на полвека предвосхитившим одно из преобладающих течений литературной мысли.

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить, в какой степени интерес к читателю формирует произве-

дения М. де Унамуно. Рассматривая свою прозу как возможное средство бессмертия, испанский философ исследует потенциал литературы в выражении внутреннего «Я» и коммуникативную связь с другими. Его вымыслы глубоко метафизичны как по характеру, так и по масштабу, ибо они проистекают из литературного конфликта — желания вечно жить в произведении, и провоцируют второй литературный конфликт — необходимость контролировать реакцию публики, чтобы воплотить желание. Оригинальность произведений писателя — результат сочетания метафизического экспериментирования с попыткой ограничить герменевтическую свободу читателя. Роль, которую читатель играет в таких художественных произведениях, двояка. С одной стороны, читатель — автономный субъект, который сталкивается с новыми литературными условностями и смелыми изменениями традиционных областей реальности и вымысла. С другой стороны, читатель становится подчиненным в том смысле, что его или ее способность создавать смысл ограничивается «экзистенциальным шантажом»: личность читателя и его надежда на вечную жизнь укрепляются или ослабевают в зависимости от его интерпретации. Таким образом, проза М. де Унамуно представляет собой уникальное сочетание онтологии и герменевтики. Как отметил

Гарридо Ардило, что работы дона Мигеля поддавались самой разнообразной экзегезе, они заново изобретались десятилетие за десятилетием, с каждым новым приливом критических течений. И сам М. де Унамуно настаивал на том, что каждое литературное произведение живет своей собственной жизнью и что интерпретировать его должны только читатели [2, p. 102–103].

Методы (Methods)

В качестве методов исследования применяется герменевтический подход: для конкретной интерпретации анализируемых текстов, в данном случае произведений Мигеля де Унамуно «Туман», «Абель Санчес», «Святой Мануэль Добрый, мученик» (Niebla, 1914; Abel Sánchez, 1917; San Manuel Bueno, Mártir, 1931). Также используется метод библиографического исследования, представленный различными приемами и стратегиями, такими как наложение и отбор ссылок, написание, включение и развитие выбранного материала, что позволило зафиксировать интерпретацию, размышления и анализ, которые применялись для проведения исследования.

Литературный обзор (Literature Review)

В работе Альвареса Кастро «Слово и бытие в литературной теории Унамуно» отмечается, что Мигель де Унамуно в стремлении к бессмертию использует свое воображение, чтобы осуществить мечту увековечить себя, по крайней мере, посредством литературы. «Выдумывать» себя — это помещать себя в непрерывное творение. Человек разрушает себя и переделывает себя, утверждая агонию жизни. Унамуно, воображая свое бессмертие, выступает против правил логики, согласно которым человек смертен; в этой области он может осуществить свою мечту стать другим и бессмертным. Для Байона Сердана чтение произведений Унамуно может вызвать ощущение, что благодаря акту чтения в нас возрождается сам дон Мигель, дополняя наше существование, чтобы, таким образом, он мог увековечить себя [3, p. 171].

Для данного исследования значима работа Фернандо де Торо «Автономный персонаж, Читатель и Автор у Мигеля де Унамуно», так как она побудила к рассмотрению концепции «читателя» в творчестве испанского писателя. Ф. Торо отмечает, что читатель при прочтении произведения представляет себе сущность (героя), независимую от текста. Так, вымышленное существо получает независимое существование от автора, который перестает иметь какой-либо контроль над своим творением. Читатели на протяжении столетий лепят персонажа в соответствии со своим личным опытом и данным временем, придавая характеру черты, о которых автор в то время и не подумал бы. Кроме того, после создания персонажа его нельзя изменить. Можно было создать только другое. Однако новое никогда не может иметь существования оригинала, оно будет отдельной сущностью.

С другой стороны, творения дона Мигеля — вымышленные сущности, которые пользуются определенной свободой, даже навязывая себя своему автору. Они борются за то, чтобы быть людьми «из плоти и крови», вымысла и меч-

ты; бунтуют против всех и против своего автора, и именно в этом бунте они обретают свою максимальную реальность, реальность личности. Бунт проявляется, прежде всего, в сценах, в которых Унамуно спускается на уровень текста, беллетризируя себя и беседуя со своими творениями, которые перестают быть марионетками в руках своего автора. Писатель, имея дело со своими мятежными персонажами, должен опускаться до текстового уровня. Таким образом, возникает иллюзия того, что автор находится на том же онтологическом уровне, что и его персонажи, благодаря стиранию границы между реальностью и вымыслом. Очевидно, что Унамуно, которого мы находим в художественной литературе, — это не реальный М. де Унамуно, а скорее его референт в художественной литературе, еще один персонаж. Самотворец, в свою очередь, пытается доминировать над персонажем, который, однажды сотворив, не подчиняется ему. Эта мысль Гонсалеса Мартина подтолкнула нас на размышления о том, что через художественный текст, персонажей и читателя дон Мигель стремится обрести подлинное бытие, в этих искаженных «зеркалах» найти свое «Я» и оставить свой след таким способом, чтобы обрести бессмертие.

Как можно заметить, в зарубежной философии и литературе есть множество исследователей, которые так или иначе интересуются испанским мыслителем и стараются посмотреть на его творчество и философию с иной точки зрения. Однако в отечественной науке скуден круг исследований, который обращен к наследию дона Мигеля, что составляет актуальность и новизну работы.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Мы попытались понять и интерпретировать концепции дона Мигеля об «авторе» и «читателе», прояснив моменты онтологического разрыва, которые становятся посредниками между ними, в концепции литературы, структурированной как настойчивость, что требует от автора стремления увековечить себя, основываясь на духовном влиянии, которое автор оказывает на своих читателей. Таким образом, это философское исследование, в котором онтологические темы личного постоянства и существования смешиваются с функцией и значением литературного произведения.

Если что-то и характеризует эстетическую мысль Мигеля де Унамуно, так это, несомненно, тот факт, что «автор» и «читатель» — понятия, онтологически взаимообусловленные и связанные с понятием «произведение». Если более подробно проанализировать его концепцию литературы, то нам вскоре станет ясно, что концепция «автора» относится не только к тому, кто творит, но и к тому, кто читает определенное литературное произведение, поскольку связь, объединяющая обе реальности, носит как эстетический, так и онтологический характер. По этой причине и существует определенная параллель между оппозицией «автор — читатель», поскольку устанавливается онтологическая преемственность, посредством которой дух первого элемента передается второму. В этом отношении фиксируется онтологическое напряжение настойчивости, одушевляющее человека, поскольку каждый «автор», как и сам Унамуно, движим *sonatus* (лат. «усилие») настойчивости, пишет для увековечивания.

Понятие «произведение» играет решающую роль в той онтологической связи, которая объединяет автора с его читателями. Это основное понятие в духовном потоке, опосредующее его «внутриисторические субъективности», поскольку между ними встраивается «историческая субъективность автора», которая в автобиографической перспективе, очевидно, эквивалентна понятию «работа». Таким образом, духовные отношения, опосредующие автора и читателя, предполагают несколько моментов онтологической прерывности, поскольку духовный поток, проходящий от одного к другому, подчинен как процессу передачи «духа автора», а также его восприятию читателями. Именно поэтому Карлос Лонгхерст утверждает, что самый важный вопрос в рамках литературной теории испанского писателя состоит в том, чтобы узнать, «выживает ли каким-то образом автор в своем произведении» [4, p. 85].

Читатель, почти не осознавая этого смысла, заключает «контракт», предлагаемый ему Унамуно, который мало-помалу потребует всё большей и большей ответственности по отношению к читаемому произведению и по отношению к самому себе. Следовательно, понятие «читатель», как и понятия «персонаж» и «автор», занимают не статические, а динамические позиции. Читатель обнаружит, что точно так же, как стираются границы между рассказчиком и героем, границы между ним (как «сущностью действительности») и другими «вымышленными сущностями» (персонажами и самим автором) стираются в путанице.

Использование металитературы не всегда подразумевает онтологическое нарушение внетекстовой реальности вымышленным дискурсом, однако сейчас самое время уточнить: повествования Унамуно отчетливо показывают, что единственной реальностью писателя является его письмо; его жизнь — это его работа, а его работа — это его жизнь. В своем творчестве испанский писатель стремился разрешить проблему бессмертия. Желая вечно продолжаться, Унамуно пытался в своих вымышленных персонажах изобразить искаженное зеркало, в которое он мог словно взглянуть и увидеть себя, понять и оставить свой след в «этом зеркале». Здесь мы видим, что письмо предлагает возможность быть человеком ценой того, чтобы быть кем-то другим. Однако главное внимание мыслителя устремлено к читателю, так как исчезновение читателя повлекло бы за собой смерть литературы, которая состоит из слов, унаследованных, мыслимых и произносимых другими, и обращена к агентам вне текста.

В творчестве дона Мигеля элементом, который делает возможными отношения между историческим автором и вымышленным персонажем, является читатель. Следовательно, читатель был постоянной заботой Унамуно, и по этой причине он задумал эстетику, в основном ориентированную на него, устанавливая тройственные отношения «автор — персонаж — читатель».

Акт письма порождает в сознании автора фрагментарность в разных инстанциях коммуникативного процесса: отправитель, высказывание и получатель или творец, творение и воссоздатель. Так, Унамуно отчуждается от реального мира, переносится в мир вымышленный, где пытается создать своего рода монолог, чтобы получить ответы

на свои вопросы философского характера, поэтому помимо персонажей немаловажное значение приобретает и сам читатель.

Мы нарушаем предполагаемую границу между реальностью и вымыслом, стирая онтологический разрыв между бытием вымышленного персонажа и бытием человека «из плоти и крови», который его создает или читает. Элементы вымышленного мира, будь то неологизм или персонаж / пролог / фиктивный автор, выходят за пределы текста, чтобы проникнуть в реальность того, кто их создал.

На наш взгляд, именно отношение Мигеля де Унамуно к читателю порождает это единство тона, потому что в поисках нетрадиционного литературного текста, т. е. антилитературы [5, p. 93], смущающей и/или выбивающей из колеи читателя, он сталкивается с необходимостью романизировать сам процесс творческого письма.

Как замечает И. Элизальде, Унамуно хотел дойти до искусства интимной реальности, самой глубокой и самой личной реальности, которую чувствуют люди. Дон Мигель стремился воссоздать в своих романах, «ниволах», внутреннюю реальность души, ибо в этой внутренней реальности и находится то место, где, сознательно или бессознательно, человек борется с собой, стремясь стать подлинным, что и является ключом нашего существования. И в этом процессе читатель находит в романе ответ автора, который возвращает читателя в его собственное внутреннее пространство, заставляет его погрузиться в себя и найти свой собственный ответ внутри себя [6, с. 166].

Унамуно, желая личного бессмертия, очень рано уловил, что между автором и читателем есть момент онтологической прерывности, а именно «отчуждение». И понимая, что его дух, его «внутриисторическое сознание» никогда не смогут быть полностью реактивированы читателями, он резко конкурировал со своими «персонажами», которые, задуманные как реальные люди и существа, имели большее онтологическое превосходство над читателем, чем он сам, как автор. Не имея возможности быть собой вне своей плотской совести, он находил в эгоистичной беспричинности отдачи себя в духе единственную функцию литературы, личное обогащение читателя, так как его «внутриисторическая совесть» утрачивалась навсегда, оставляя лишь «живые субъективности читателей», которые могут питаться их «исторической совестью» как «неверным» зеркалом оригинала. И именно здесь эгоистичное стремление к личной настойчивости, одушевляющее писателя, превращается в чистую безвозмездность предложения себя читателю.

Заключение (Conclusion)

В работах испанского мыслителя мы находим, что автор, персонаж и читатель взаимодействуют в экзистенциальном поиске: попытке использовать динамику вымышленного воссоздания, чтобы достичь бессмертия в сознании читателя. Каждый, в том числе и читатель, ищет веры в субстанциальность и стойкость собственной страсти и, не имея никаких объективируемых средств удовлетворения своей внутренней потребности, буквально отдается игре вымысла. В такой игре он часто изобретает проект «Я» на столь же изобретенного «другого» и нарциссически получает обратно

то самое подтверждение субстанции, в которой он нуждался. Для читателя этот вымышленный «другой» есть не что иное, как романский персонаж, который он внутренне воссоздает и объективирует как симулякр самого себя.

Унамуно предвосхитил многие концепции, интерпретирующие роль читателя в создании текста. В частности, произведение Р. Барта «Смерть автора», которое заканчивается фразой: «...рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [7, с. 391]. Конечно, дон Мигель согласился бы с Р. Бартом в том, что автор не может оставаться собственником текста, однако попытка Унамуно увековечить себя в своем творчестве осуществляется также за счет читателя, тем самым переворачивает термины бартовского афоризма.

Подлинное не может быть доказано интеллектуально, оно должно быть прочувствовано с эмоциональной интенсивностью. Таким образом, основная функция искусства, по мнению дон Мигеля, ясна и прозрачна: создать в читателе подлинную жизнь, проецируя в нём мучительное сомнение в собственном существовании. Такая цель обязательно заключается в концепции нераздельности жизни и искусства, поскольку вторжение реального в воображаемое и вымысла в действительное существование художника делает искусство образом жизни. Для М. де Унамуно функция художественного творчества в конечном счете состояла в том, чтобы помочь творцу открыть себя, реализовать себя или, говоря еще более драматично, создать себя.

Библиографический список

1. Unamuno M. *Obras Completas El español ...conquistador!* Edición de Manuel García Blanco. Madrid : Escelicer, 1966. 9 tomos, OC: III. 750 p.
2. Garrido A. J. A. Nueva lectura de *Niebla*: Kierkegaard y el amor // *Revista de Literatura*. 2008. LXX (139). P. 85–118.
3. Bayón C. J. La concepción de la verdad en Unamuno, en: “Cuaderno Gris” // *Unamuno y Europa: nuevos ensayos y viejos textos* / coord. P. Ribas. 2002. № 6. P. 171–181.
4. Longhurst C. A. Unamuno o la novela como empresa filosófica. Tres conceptos: libertad, identidad, comunidad // *Itinerarios*. 2012. № 15. P. 83–99.
5. Øveraas A. M. *Nivola contra novela*. Salamanca : Universidad, 1993. 100 p.
6. Elizalde I. *Miguel de Unamuno y su novelística*. Guipúzcoa : Caja de Ahorros Provincial de Guipúzcoa, 1983. 355 p.
7. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М. : Прогресс : Универс, 1994. С. 384–391.

References

- Bart R. (1994) *Smert' avtora* [The Death of the Autor], *Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]*. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., pp. 384–391. (in Russian)
- Bayón C. J. (2002) La concepción de la verdad en Unamuno, en: “Cuaderno Gris”, *Ribas P. (coord.) Unamuno y Europa: nuevos ensayos y viejos textos*, no. 6, pp. 171–181. (in Spanish)
- Elizalde I. (1983) *Miguel de Unamuno y su novelística*. Guipúzcoa, Caja de ahorros Provincial de Guipúzcoa Publ., 355 p. (in Spanish)
- Garrido A. J. A. (2008) Nueva lectura de *Niebla*: Kierkegaard y el amor, *Revista de Literatura*, LXX (139), pp. 85–118. (in Spanish)
- Longhurst C. A. (2012) Unamuno o la novela como empresa filosófica. Tres conceptos: libertad, identidad, comunidad, *Itinerarios*, no. 15, pp. 83–99. (in Spanish)
- Øveraas A. M. (1993) *Nivola contra novela*. Salamanca, Universidad Publ., 100 p. (in Spanish)
- Unamuno M. (1966) *Obras Completas. El español ...conquistador! Edición de Manuel García Blanco*. Madrid, Escelicer Publ., vol. 9, OC: III, 750 p. (in Spanish)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.